

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 299.513

Е. А. Завидовская

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ДАННЫХ О НАРОДНОЙ РЕЛИГИИ КИТАЯ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ПЕРИОДА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.)¹

В заглавии этой статьи содержится указание на два направления исследований: первое — история религии, в нашем случае низовая народная религия в республиканском Китае (1911–1949), и второе — роль и место социологических исследований (*шэхуй дяоча* 社会调查) в развитии гуманитарных и точных наук республиканского периода. Мы не ставим задачу приводить здесь полный обзор исследований первого аспекта. Значительная работа с республиканскими источниками проводилась российскими историками, занимавшимися аграрной политикой Гоминьдана [1; 2], вышли исследования, посвященные состоянию синкретических и тайных учений [3; 4], взаимодействию буддистских организаций и власти в указанный период [5]. Авторы монографии «Власть и деревня в республиканском Китае» [1] указывают, что опирались на «многие десятки томов обследований китайской деревни, которые проводились гоминьдановскими властями и различными независимыми организациями в 30-е гг.», среди которых выделяется «многотомное (200 томов) собрание обследований китайской деревни, проводившихся Институтом земельной администрации <...> Материалы изданы на Тайване в 1977 г. при участии Института Гувера (Стэнфорд) и Центра материалов по Китаю в Сан-Франциско» [1, с. vi, xxviii]. Возможно, часть наших источников совпадет с использовавшимися этими авторами, но нас интересует в них другой слой информации. Как будет показано ниже, народная религия упоминается в исследованиях деревень, но нередко остается на периферии и выступает малозначительной, поскольку основное внимание уделялось экономике деревни.

Отечественные исследования религиозных обычаев и праздников в Китае начала XX в. черпали материал из этнографических заметок журнала «Миньсу» («Народные

¹ Материал подготовлен при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» на 2009 г.

© Е. А. Завидовская, 2011

обычай»), использовался ряд других сборников сведений о народных обычаях, вышедших в тот период [6; 7]. Но отчеты исследований не фигурируют в качестве использованных источников.

Западные историки давно ведут разработку проблемы становления современного национального государства в Китае начала XX в. и его взаимодействия с традиционными институтами местного самоуправления, в числе которых немаловажное место занимала коммунальная народная религия. Важную теоретическую основу заложили работы П. Дуары [8], материалами для которых послужили до сих пор не полностью освоенные данные полевых обследований северного Китая, проводившиеся Японией.

В близкой области ведет работу американская исследовательница Р. Недоступ [10; 11; 12], она исследует историю борьбы государства с предрассудками и формирования новой системы государственных символов. Ш. Пун рассматривает, каким образом структуры локального сообщества, неотделимые от народных культов, реагировали на модернизационные импульсы правительства Гоминьдана в Гуанчжоу [13]. Подобных работ по истории местного сообщества в период Республики появляется в последнее время все больше. Надо отметить интересные исследования даосизма и локального сообщества В. Гуссарта [14; 15], а также его проект «Храмы, городское общество и даосы в Китае нового периода» (Temples, Urban Society and Daoist Priests). Важное достоинство его работы заключается в подборе источников, например храмовых хроник *мяочжи* 庙志, не столь сильно проникнутых идеями государственного строительства или наукоцентризма. Мы отмечаем, что результаты опросов, о которых ниже пойдет речь, не используются западными исследователями достаточно активно, предположительно этот новый ресурс еще не вошел в научный оборот.

1. Обзор источников по народной религии республиканского Китая

Группа исследователей из Института цинской истории Народного университета (Пекин) проделала большую работу по сбору и переизданию экономических и социологических изысканий, проводившихся в разные периоды в республиканском Китае. Серия «Собрание социологических исследований республиканского периода» (Миньго шици шэхуй дяоча цунбянь 民国时期社会调查丛编), издаваемая в Фучжоу, насчитывает около десяти томов. Для темы нашего исследования особый интерес представляют собрания исследований, вошедшие в тома «Сельское сообщество» (Сянцунь шэхуй 乡村社会, 2004), «Религиозные обычаи» (Цзунцзяо миньсу 宗教民俗, 2004), а также вышедшие недавно три тома «Сельской экономики» (Сянцунь цзинцзи 乡村经济, 2009). Эти материалы привлекли внимание историков, изучающих развитие в Китае таких наук, как социология, экономика, статистика, юриспруденция и проч. Сборник статей «Социологические обследования конца эпохи Цин и периода Республики, подъем социальных наук в Китае» (Цинмо миньго шэхуй дяоча юй цзинь дай чжунго шэхуй кэсюэ синци 清末民国社会调查与近代中国社会科学兴起 / Под ред. Ся Минфана, Хуан Синтао 夏明方, 黄兴涛. Фучжоу, 2009) обозначил интерес историков к этому корпусу материалов как к важному документу эпохи.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть исследования, проводившиеся главным образом в 1920–1930-е гг., как один из важных источников сведений о народной религии в аграрных районах. В рамках нашей работы по народной религии в

современных КНР и Тайване нас интересуют следующие вопросы, нашедшие отражение в этих опросах:

1. Организационная сторона народной религии, связь храмов с сельским сообществом, система управления общинными храмами. Формы включения храмов в сельскую экономику.
2. Взаимоотношения между божествами-покровителями общинных храмов внутри небольших ареалов.
3. Место специалистов по ритуалу, буддистских и даосских монахов в отправлении коммунальных ритуалов.
4. Местные и общекитайские центры паломничества, объединения паломников и благотворительные организации внутри сельского сообщества.
5. Региональная специфика обрядности и храмовых организаций.
6. Формы артикуляции информантами религиозных воззрений. Оценка значения религии в жизни крестьянского населения.

Проводимое нами исследование народной религии представляет собой движение от настоящего к прошлому, по такому принципу строится работа этнографов и антропологов. До того как обратить внимание на республиканский период, в 2008–2009 гг. на севере Китая и на Тайване нами были проведены полевые исследования современного состояния народной религии в двух различных регионах (данные по северному Китаю см.: [16]). На первом этапе шел сбор полевых данных, анализ современных явлений, затем мы обращаемся к прошлому, ища подтверждение или опровержение своим данным в исторических документах, прослеживая, какие явления изменились, какие, напротив, сохранились в прежней форме. Историки же нередко испытывают необходимость в движении от документов прошлого (набора отобранных сведений, удостоенных письменной фиксации) к современности. Динамика движения исследования от настоящего к прошлому или наоборот не столь значима, важно быть осведомленным как о прошлом, так и о настоящем состоянии интересующего феномена.

Наше обращение к периоду Республики закономерно не только потому, что этот период непосредственно предшествовал современному этапу. Современные данные указывают на то, что народная религия упорно стремится восстановиться в тех формах, какими она обладала до гонений во время «культурной революции», республиканские данные позволяют реконструировать это состояние. Другая причина состоит в том, что в отличие от периода правления КНР научное сообщество и государство того периода уделяли больше внимания состоянию народной религии. В тот период это был сильный фактор, противостоящий распространению структур и идеологии современного секулярного государства. В качестве цели исследований нередко декларировалась необходимость понимания явлений, подлежащих искоренению в результате разворачивания просветительской работы и внедрения науки во все сферы жизни (преклонение перед наукой среди интеллигенции обрело черты идолопоклонства). Политика КНР в отношении народной религии во многом была продолжением линии Гоминьдана, новая власть опиралась на достижения предшественников по искоренению предрассудков, но не видела более надобности изучать это явление (хотя Мао Цзэдуном и по его поручению также проводились исследования), оно представлялось пережитком, подлежащим либо отмиранию, либо искоренению.

Социологические и экономические исследования являются не единственным источником данных о народной религии периода Республики. С начала 1920-х гг. участника-

ми движения за Новую культуру, их учениками, а позднее и профессиональными учеными было собрано и опубликовано в журналах значительное количество этнографических зарисовок и заметок. Зарождение национальной этнографии и фольклористики, связанное прочными узами с идеологией движения за Новую культуру, представлявшей собой сплав западных теорий с национальным материалом, — это заслуживающее внимания явление.

Этнографические материалы, собранные группой участников движения за Новую культуру, безусловно, дают много сведений о состоянии народных верований, но в них позиция авторов порой слишком субъективна, что приводит к неполноте и погрешностям. Этнографические заметки, которые в основном печатались в журнале «Миньсу» (民俗), это скорее портреты самих авторов и свидетельство их увлечения теми или иными идеями. Анализ и систематизация обширного корпуса этнографических данных будут представлены в отдельной статье.

Другим источником сведений о народной религии являются посвященные вопросам религии, социологии и экономике сельского Китая работы китайских и иностранных ученых и наблюдателей (российских, западных и японских), выходявшие уже с конца эпохи Цин. Их планируется рассмотреть в отдельной статье.

Отчеты исследований и опросов *дяоча* написаны сухим научным языком и сопровождаются множеством таблиц и графиков, их авторы стремились к максимальной научности и точной документации наблюдаемого. Способ подачи и систематизации информации в интересующих нас исследованиях во многом определялся принятыми на тот момент в западной науке методами, которые перенимали китайские ученые, и, что более важно, целями, которые редко были чисто научными. Придерживаясь своих взглядов на место религии в жизни китайского социума, мы также определенным образом интерпретируем данные этих обследований и не можем претендовать на абсолютную объективность. Тем не менее наша задача при работе с этими материалами состоит в стремлении преодолеть дискретность данных, восстановить нарушенное единство и важные связи между явлениями сельской жизни, которое возникает в ходе членения и структурирования изучаемого материала по иностранным лекалам. Примером такого членения можно считать отнесение к разным разделам явлений «религиозной жизни», «коллективных мероприятий», «календарных праздников» и «развлечений», которое часто встречается в отчетах.

Еще более важным оказывается вопрос о выработке на основе этих претерпевших интерпретацию данных нового видения значимости, организующей, скрепляющей и даже «движущей» роли народной религии в сельском социуме периода Республики (сохранявшем многие черты позднего имперского периода), которая иначе приписывается экономике, власти или классовому антагонизму. Анализируя исследования предшественников и ход дискуссии о природе экономического уклада Китая, авторы труда «Власть и деревня в республиканском Китае» столкнулись с этим же принципиальным вопросом о *движущей силе* происходивших в деревне процессов, они определили «феномен власти как системообразующий фактор» [1, с. xxvi]. К сожалению, в работе не приводится более подробных рассуждений по поводу того, на чем зиждилась эта власть, что было ее опорой, акцент сделан на рассуждениях о том, что происходило вокруг нее².

---

² Авторы, безусловно, понимают, как парадигма рассуждений и используемый категориальный аппарат значимы для получаемых результатов. Они упоминают исследование Дж. Скотта, который утверждал, что в традиционном Китае существовала «моральная экономика» (moral economy) (Scott J. Moral Economy

Ответ, гласящий, что власть эта опиралась лишь на конфуцианские нормы управления, недостаточно исчерпывающ. Он не высвечивает, почему люди принимали нововведения, навязываемые властью, или относились к ним с настороженностью. Вопрос о составляющих власти и способах ее апроприации в традиционном обществе сложен и не может быть освещен в двух-трех фразах. Эта «власть», безусловно, основана на нормах конфуцианства, но низовое сообщество ощущало себя управляемым не столько абстрактными принципами, сколько божествами и небесными силами. Возможно, имеет смысл пересмотреть представление о «прагматичном крестьянине» (или «человеке экономическом») и поразмыслить над тем, не носили ли власть и сельская экономика характер символический, совпадающий с базовыми универсалиями китайской цивилизации, изучить, как они соотносились с волей божеств (о которой вопрошали через гадание каждый день). Экономическая деятельность, безусловно, была важной составной частью человеческой деятельности, но деятельность эта могла восприниматься под иным, нежели склонны видеть мы, углом. Наша задача стоит в понимании того, что было по-настоящему значимо для актантов.

2. История исследований деревни Китая. Первые исследования под руководством иностранцев

Если разместить большое количество обследований в хронологическом порядке, то станет заметно, что самые первые из них проводились миссионерами и иностранными преподавателями китайских университетов. Предисловие Чжэн Аньлуня 鄭安倫 в тяньцзиньской газете «Иши бао» (益世報, 12.05.1937) к исследованию деревни в его родном уезде Цзиньмэнь (пров. Фуцзянь) содержит сведения о самых ранних обследованиях китайского общества. По мнению автора, труды американского миссионера А. Смита, прожившего в Китае больше десяти лет, — «Жизнь деревни в Китае» (Smith A. H. Village Life in China, Fleming H. Revell Co., N. Y., 1899), а также очерк об этнопсихологии китайцев «Характерные черты китайцев» (Chinese Characteristics, 1894) — стали первыми книгами о китайском социуме, основанными на личных наблюдениях. В 1914 г. Пекинское молодежное объединение (Бэйцзин цинняньхуй 北京青年會) использовало простые анкеты для опроса 302 рикш, это был лишенный методологической основы социологический опрос [17].

Иностранные ученые, приезжавшие работать в Китай, организовывали опросы, которые преследовали учебные цели и служили практической работой студентов, обучавшихся по специальностям «социология» или «экономика». Собранные данные представляли ценность и для государств, имевших свои интересы в Китае. Ниже приведем сведения о ряде важных изысканий и укажем обстоятельства их проведения.

В 1915 г. профессор факультета социологии колледжа Цинхуа С. Дж. Диттмер (C. G. Dittmer) руководил группой студентов, которые проводили в западном предместье Пекина (район нынешнего ун-та Цинхуа) опрос о составе доходов 195 семей, дан-

---

of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Heaven, 1976), в основе ее лежали «отношения, складывавшиеся в деревне между ее верхами и низами», когда у землевладельца были обязанности по отношению к рядовым односельчанам [1, с. 47]. В рамках исследования отечественных ученых все традиционные институты (народные культы как таковые практически не упоминаются) обобщенно представлены как противостоящая государственному строительству сила, подлежащая той или иной степени реструктуризации или устранению в результате административных реформ, проводившихся сверху.

ные были опубликованы в 1918 г. (Dittmer C. G. An Estimate of the Standard of Living in China // *Quarterly Journal of Economics*. 1918. Vol. 33. N 1. P. 107–128). В этом исследовании еще не прослеживается определенная методология.

В 1918 г. руководители Пекинского молодежного объединения С. Гэмбл (S. Gamble) и Дж. Бургес (J. S. Burgess) провели социологическое исследование Пекина, которое разносторонне представило жизнь столицы бывшей империи (Gamble S. D. *Peking: A Social Survey*. George H. Dovan Company. N.Y., 1921). За основу было взято ставшее эталоном обследование американского города Спрингфилда (Harrison Sh. M. *Social Conditions in an American City*. Russell Sage Foundation, 1914).

В 1923–1924 гг. профессор социологии Университета Хуцзян 滬江 в Шанхае Х. С. Баклин (H. S. Bucklin), осуществил сбор данных о деревне Шэнь-цзя хан (沈家行) близ Шанхая, опрос охватил 3600 человек. «Социологическое исследование: краткий очерк о деревне Шэнь-цзя хан» Х. С. Баклина было опубликовано в Шанхае в 1924 г. на китайском языке (Шэхуй дяоча: шэньцзя хан гайкуан “社會調查:沈家行概況”, Шан-у иньшу гуань 商務印書館, другое издание вышло в серии «Хуцзян дасюэ болан цуншу ди и чжун» 滬江大學勃朗叢書第一種). Описание уклада жизни жителей деревни включало также сведения о религиозных практиках населения.

Особого внимания заслуживают широкомасштабные обследования ряда регионов Китая, проходившие под руководством Дж. Л. Бака (J. L. Buck), профессора факультета аграрной экономики Университета Цзиньлин 金陵 в Нанкине. Работа проводилась в два этапа. Исследование первого этапа (1921–1925) преследовало цель изучить методы управления сельским хозяйством и систему землевладения, оно охватило 2866 хозяйств, было выбрано 17 населенных пунктов в семи провинциях северного и центрального Китая. Результаты публиковались частями в Нанкине (*An Economic and Social Survey of 102 Farms near Wuhu, Anhwei China*. Nanking, 1923; *An Economic and Social Survey of 150 Farms, Yehshan County, Hopei, China*. Nanking, 1926) и Шанхае (*Farm Ownership and Tenancy in China*. Shanghai: National Christian Council, 1927), позже легли в основу научного труда «Китайская фермерская экономика» [18].

Вторая стадия была более масштабной и проходила в 1929–1933 гг. Дж. Бак проводил сбор данных в 22 провинциях, 308 населенных пунктах, охватив 16786 хозяйств, но северные области Китая были исключены. Этот проект преследовал две цели: во-первых, обучить студентов методике исследования землепользования; во-вторых, собрать данные о состоянии сельского хозяйства страны. Работа Бака финансировалась Фондом Рокфеллера, в качестве помощников выступали выпускники Нанкинского университета, прошедшие специальное обучение. Результаты были опубликованы в отчете «Землепользование в Китае» (Buck J. L. *Land Utilization in China*. University of Chicago Press, 1937) в трех томах (Т. 1. Текст отчета; Т. 2. Карты; Т. 3. Статистические таблицы). В том же году вышли два перевода отчета на японский язык, в Харбине — перевод на русский язык [19]. Отчеты о землепользовании и выращивании зерновых Дж. Бака считаются одним из самых авторитетных источников статистических данных по вопросу землепользования и условий земельной ренты республиканского периода, они использовались многими послевоенными западными исследователями. Тем не менее видный американский историк Филипп Хуан (Ph. C. C. Huang) подверг методику Дж. Бака критике, указав, что при обследовании деревни использовались принципы городской социологии, при отборе деревень не руководствовались четкими критериями, в результате полученные результаты нельзя назвать репрезентативными. Дж. Бак описывал экономически

процветающие деревни, что и дало искаженную картину среднего количества земли в пользовании у домохозяйства [20, с. 36, 38].

В 1924 г. профессора факультета аграрной экономики Яньциньского университета Дж. Тайлер (J. V. Taylor) и С. Малоун (C. V. Malone) руководили работой китайских студентов, которые провели опрос в 240 хозяйствах, их задача была исследовать экономический уклад на уровне уезда, деревни и отдельного хозяйства, результаты были опубликованы в 1924 г. в Пекине (Чжунго нунцунь цзинци чжи дяоча 中國農村經濟之調查, Хуаян и чжэнь хуй 華洋義賑會, 1924).

В 1925 г. профессор социологии Д. Кульп (D. H. Kulp) из университета Хуцзян опубликовал первый том исследования социального устройства деревни Китая «Сельская жизнь южного Китая: социология семейственности» (Kulp D. H. Country Life in South China: the Sociology of Familism. Vol. I. Phoenix village, Kwantung, China. N. Y.: Bureau of publications; Teachers College; Columbia University, 1925). В основу исследования легли данные полевой работы в деревне Фэн-хуан 鳳凰 в округе г. Чаочжоу провинции Гуандун, собранные студентами Кульпа в 1918, 1919, 1923 гг. Это обследование позднее стало эталоном, на который ориентировались иностранные исследователи, работавшие в Китае.

В 1927 г. в Пекине выходит работа Дж. Дикинсона (J. Dickinson) «Наблюдения за жизнью общества в деревнях северного Китая» (Dickinson J. Observations on the Social Life of a North China Village. Beijing, 1927).

Этот неполный перечень со всей очевидностью указывает на то, что главный интерес представляла информация об экономическом положении деревни, уровне и источниках доходов населения, а также о системе землевладения. В тот период важнейшей представлялась задача реформирования системы земельных отношений и налогообложения в деревне, для чего необходимо было получить точные сведения о проценте арендаторов и уровне арендной платы за пользование землей. Немалая часть исследований стремилась максимально полно охватить все стороны жизни сельского социума, и тогда собирались подробные данные о верованиях и храмах, представляющие для нас ценность.

Ранние опросы проводились под руководством иностранных профессоров, сказывался недостаточный опыт работы с местным материалом, поэтому видна их методологическая незрелость и трафаретность. Для группы, работавшей под руководством американского профессора Дж. Баклина, основой стало «классическое» обследование г. Спрингфилда, проведенное Ш. Харрисоном (S. M. Harrison), — «Социальные условия в американском городе» (1914). В предисловии к обследованию деревни Шэнь-цзя хан 沈家行 близ Шанхая авторы говорят о том, какой резонанс вызвала публикация результатов обследования Спрингфилда, донесенных до широких масс, и как оно стимулировало ряд реформ и усовершенствований во всей Америке. Свою задачу они тоже видят в том, чтобы на основе полученных данных об условиях жизни деревни выдвинуть конкретные предложения по улучшению (*гайлян* 改良) общества с опорой на помощь и поддержку самих жителей; обозначается не столько сугубо научная, сколько практическая цель проводимой работы.

Методология и способ анализа полученных данных заимствовались с Запада, но социологи понимали, что они не применимы к китайским реалиям. Им необходимо было адаптировать свои приемы и формулировки вопросов. Также им пришлось отказаться от попыток собрать с крестьян заполненные опросные листы (ввиду поголовной не-

грамотности и недоверия). Важно и то, что они смогли провести сбор данных только при посредничестве представителей местной властной элиты *шэньдун* 紳董 (избранных глав кланов), что может выступать как проявление защитной реакции общины перед лицом непонятого и возможно опасного явления. Таким же был механизм взаимодействия сельского социума с представителями новых республиканских властей.

Нередко курьезным и полным экзотизмов предстает восприятие исследователями религиозных обычаев в изучаемых деревнях. Исследование религиозной жизни деревни Шэнь-цзя хан (1924 г.) преследовало цель выяснить, насколько население деревни может быть восприимчиво к проповеди христианства. Христианство не вызвало большого интереса у местных жителей, но авторы не критикуют народную религию, а положительно оценивают ее значение для поддержания морали и духа единения среди жителей, критикуются лишь связанные с проведением храмовых мероприятий расточительство и излишний консерватизм. Составленный одним из студентов опросный лист, куда вошли такие вопросы, как «сколько религий *цзунцзяо* есть в деревне», «опишите название каждой из них и ее качества», «сколько у каждой религии последователей», «какая религия самая сильная в деревне» и пр., свидетельствует о том, что у исследователей было искаженное представление о бытовании народной религии. Информанты скорее всего оставляли подобные вопросы без ответа. Затем в опросном листе следует ряд более адекватных вопросов о том, как крестьяне представляют себе богов *пуса* и верят ли в кару за грехи.

Мы сталкиваемся с тем, что на реалии родной культуры исследователи смотрят через «кривое зеркало». Чтобы ответить на вопрос, является ли то, что соблюдают и продельвают китайские крестьяне, религией, было необходимо привести выдержки из работ Фрезера, Спенсера и Тэйлора, ввести понятия магической силы «мана», вспомнить о «тотемизме» и прочих понятиях, которыми западные ученые оперировали применительно к религиозным верованиям примитивных народов (Чэнь Да 陳達. Шэхуй дяоча дэ чанши 社會調查的嘗試. Попытка социологического исследования // Цинхуа сюэбао 清華學報, цз. 1, вып. 2, 1924. С. 12; цит. по: [21, с. 74]). Подобного рода ссылки указывают на недостаток собственного накопленного опыта осмысления явлений китайской культуры или же на интерпретацию по западным стандартам, которыми оперировали иностранные инициаторы этих работ. Можно предположить, что в 1920-е гг. результаты исследований западных современных обществ еще не были освоены китайскими учеными, поэтому они опирались на данные западных антропологов о первобытных народах.

3. Теория и методология исследований деревенского общества

В 1930-х гг. среди ученых шла дискуссия о цели и методике работы, о том, должен ли полевик иметь на вооружении теорию. Можно проследить переход от статистических «социологических опросов» (*шэхуй дяоча* 社會調查) к «социологическим исследованиям» (*шэхуй сюэ дяоча* 社會學調查).

Факультет социологии Яньцинъюнского университета в Пекине был центром становления китайской социологии, статьи о методах и задачах обследований обсуждались в журналах факультета «Социальные науки» (Шэхуйсюэ цзе 社會學界) и «Социальные исследования» (Шэхуй яньцзю 社會研究). В 1932 г. социолог Р. Парк (R. E. Park, 1864–

1944), представлявший чикагскую школу, автор теории социальной экологии (human ecology), выступил в университете с докладом, в котором познакомил с методологией своей школы.

Авторы части публикаций в социологических журналах Яньцзиньского университета стояли на позициях функционализма, ярким представителем которого был английский антрополог А. Р. Рэдклифф-Браун (Redcliff-Brown, 1881–1955), который преподавал в Яньцзиньском университете в 1936 и 1938 гг. Он был приверженцем методики комплексного исследования отдельно взятой области (area study). В переведенной на китайский язык статье «Рекомендации по проведению социологических обследований сельской жизни Китая» (Дуйюй чжунго сяньцзунь шэнхуо шэхуйсюэ дяоча дэ цзянь и 對於中國鄉村生活社會學調查的建議 // Шэхуй яньцзю социология. 1936. № 116) он излагает основные принципы своего метода. Социологическое исследование должно опираться на определенную теорию и стремиться к тому, чтобы доказать или опровергнуть какую-либо гипотезу. При исследовании отдельного района или общины (шэцзюй социология) необходимо выяснять функции тех или иных явлений; понимание функции и есть понимание смысла. В Китае исследование сельского общества должно начинаться с самой базовой структуры — семьи или двора ху 户 и развиваться вширь, пока не будет охвачено все государство. В качестве единицы обследования оптимально выбрать отдельную деревню. Применяются несколько способов исследования: 1) фиксация состояния социума в момент наблюдения без учета истории (т. н. статичное исследование); 2) исследование связей общины с внешним миром и ее включенность в более крупные образования; 3) диахроническое исследование изменений в результате взаимодействия с внешним миром.

А. Р. Рэдклифф-Браун указывает на то, что, помимо внимания к важным для китайского общества семейно-клановым связям, надо изучать и другие типы объединений, а именно: «объединения молодых ростков» цинмяохуй 青苗会, храмовые объединения мяохуй 庙会, профессиональные цехи и тайные общества. Динамику изменений внутри отдельной области можно увидеть, если проводить опросы регулярно с промежутком в несколько лет.

В чем видели китайские ученые различие между исследованием района или общины (шэцзюй яньцзю социология) и социологическими опросами (шэхуй дяоча социология)? В конце 1930-х гг. один из ведущих социологов Чжао Чэнсинь 趙承信 в своей статье показал, что социологические опросы являются лишь инструментом и частью более широкого исследования общины (или района), которое преследует целью изучение всех ее функций. Социологический опрос представляет собой сбор анкетных данных и имеет более конкретные и практические цели. Исследование общины предполагает изучение ее исторического прошлого, проживание среди информантов, при этом исследователь должен оставаться на позиции беспристрастного наблюдателя [22, с. 381–382].

Тип исследования, включающий различные аспекты отдельно взятой местности (шэцзюй яньцзю), стал одним из ведущих в 1930-е гг. Данные таких изысканий представляют для нас больший интерес, т. к. их локализация фиксирована и можно почерпнуть сведения о пространственных и региональных особенностях бытования народной религии.

Имеют информационную ценность бакалаврские и магистерские дипломные работы студентов Яньцзиньского университета в период между 1935–1937 гг. Примерно девять работ выполнены по методике полевого исследования отдельной области. В ка-

честве главной проблемы они избирали разные аспекты (брачные обряды, места заключения и тюрьмы, внутрисемейные отношения), были и работы, посвященные системе деревенских организаций, в частности в провинции Шаньси, где довольно успешно функционировала система местного самоуправления (Сюй Юншунь 徐雍舜, Исследование деревенских организаций уезда Хосянь 霍縣鄉村組織之研究, фак-т социологии Яньцзинского университета 燕京大學社會學系, магист. дис., 1935; Ли Юи 李有義, Деревенские организации в Сюйгоу провинции Шаньси (общины *шэ* в Шаньси) 山西徐溝農村社會組織 (山西的社), бакалавр. дис., 1936).

После того как Пекин был занят японцами, преподаватели из Яньцзинского университета организовали факультет социологии и исследовательскую базу при Юго-западном объединенном университете в Куньмине. В 1938 г. научную работу в Юньнани вел У Вэнь-цао 吳文藻, средства поступали от фонда Рокфеллера. С 1939 по 1946 г. работу возглавлял Фэй Сяотун 費孝通, ученик У Вэнь-цао. Эта группа социологов придерживалась теорий английского функционализма, проводила сопоставление результатов исследований из разных районов. Сначала определялся аспект для обследования, затем в выбранной области велось длительное наблюдение, обычно объектом исследования была система землепользования в отдельной деревне. Так, Фэй Сяотун с учениками долго подбирал деревни для изучения трех проблем: системы земельных отношений (дер. Люй-фэн 祿丰), ручных промыслов (дер. И-мэнь 易门), сельского хозяйства и торговли (дер. Юй-си 玉溪). На протяжении 1938–1942 гг. велись наблюдения за процессами концентрации земли в руках более крупных владельцев, накоплением капитала, развитием ручных производств, организацией семьи и тем, как все эти факторы были взаимосвязаны. Результаты обследования вышли в виде монографии «Три юньнаньских деревни». К тому моменту Фэй Сяотун пересмотрел свое мнение о том, что полевик не должен быть вооружен никакой теорией при работе на местности и что он, как лакмусовая бумага, должен впитывать все, что видит. Во вступлении к книге «Крестьянские поля деревни Люй-цунь» (Люйцунь нун тянь 祿村农田) он указывает на то, что необходимо опираться на какую-либо теорию, иначе полученные данные будут дисперсны, многое выпадет из поля внимания; исследователь должен быть вооружен определенной гипотезой и планом относительно того, что он хочет обнаружить. Исследование деревни Люй-цунь в Юньнани уже можно считать более зрелым изучением отдельной общины [23, с. 11–12].

Влияние позиции Фэй Сяотуна прослеживается в работе студента факультета социологии Лай Цайчэна 賴才澄, ученика Ли Цзинханя, который сначала провел исследование состояния сельского хозяйства в деревне Дапуцзи 大普吉 провинции Юньнань (1943 г.), а затем включал в него такие аспекты, как обычаи и духовная жизнь крестьян. В предисловии он пишет: «Исследование обретает ценность в том случае, когда человек, не бывавший в описываемом месте, прочитав отчет, словно сам там оказывается и получает полное представление <...> многие явления очень трудно распределить по категориям, поэтому никакие научные методы классификации не могут быть совершенными» (Лай Цайчэн. Дапуцзи сунь шэхуй шикун цзи ци вэньти 大普吉村社會實況及其問題 (Состояние общества деревни Дапуцзи и прочие вопросы) // Синань лянхэ дасюэ шэхуй сюэ си 西南聯合大學社會學系, диплом. работа, 1943; цит. по: [21, с. 403]). Итак, мы отмечаем все более отчетливое понимание китайскими учеными непригодности заимствованных с Запада лекал и способов осмысления механизмов традиционного китайского социума.

Весомый вклад в развитие национальной школы исследований внес социолог Ли Цзинхань (李景漢, 1895–1986). В 1924–1926 гг. он изучал жизнь пекинских рикш (Бэй-цин жэнь чэфу сяньчжуан дэ дяоча 北京人力車夫現狀的調查, 1925), ему принадлежит целый ряд опросов состояния жизни и уровня доходов рабочих прослоек Пекина. В 1929 г. в сборнике «Шэхуй яньцзю цункань» 社會研究叢刊 им был опубликован отчет «Семьи в пригородах Бейпина» (Бэйпин цзяоюй чжи сянциунь цзятин 北平郊外之鄉村家庭, 1929), который стал одним из самых ранних обзоров семейной экономики в Китае.

Ли Цзинхань скоро столкнулся с необходимостью выработки системного подхода при проведении исследований, в статье «Метод полевых исследований» (Шици шэхуй дяоча фанфа 實地社會調查方法, 1933) он наметил ряд правил, требовал соблюдения строгой научности, разработал таблицы параметров, которые необходимо выяснять при опросах, систему обучения сотрудников, методы проведения интервью, заполнения анкет и т.д. В его ранних работах можно проследить позитивистский подход к предмету исследования, когда исследователь старается уменьшить субъективность своих оценок и решающая роль отводится цифрам.

Работая преподавателем университета Цинхуа, Ли Цзинхань проводил со студентами опросы в деревнях вокруг университета, для «вживления» в среду они обычно открывали там школу, но и это не всегда обеспечивало открытость и желание местного населения сотрудничать. Позже Ли Цзинхань принял предложение встать во главе отдела исследований Фонда поддержки всеобщего просвещения (Пинминь цзяоюй цун-цинхуй 平民教育促進會), который был проводником ряда реформ, в первую очередь образовательных, в уезде Динсянь провинции Хэбэй. Уезд Динсянь получил статус экспериментального района в 1926 г. и стал одним из первых в Китае, положительный опыт этого уезда привлек внимание всего Китая и других стран. В 1928 г. Ли Цзинхань опубликовал результаты «Исследования 515 крестьянских семей» в одной из волостей уезда Динсянь (Убай иу нунцунь цзятин чжи яньцзю 五百一五農村家庭之研究 // Шэхуй сюэцзе 社會學界, цз. 5, июнь, 1931. С. 45–53). Эта работа не содержит нужных нам сведений о религиозных практиках, представляя собой краткие комментарии к таблицам с цифрами. На раннем этапе своей работы Ли Цзинхань разделял мнение о том, что основными являются статистические данные, видя в этом показатель строгой научности работы. Как отмечает Х. Чарлис, методология Ли Цзинханя встретила критику, в частности Мао Цзэдун отрицал исследования, не основанные на теории классовой борьбы, а Фэй Сяотун отмечал, что отчеты его преподавателя представляли собой лишь сухие цифры и абстрактную статистику без нужных примеров и анализа. По мнению Ли Цзинханя, «оценочная социология была делом прошлого, и от нее надо воздерживаться при проведении профессиональных исследований» [24, р. 96–97].

Высокую оценку в научном мире получило комплексное исследование экспериментального уезда Динсянь в провинции Хэбэй под руководством Ли Цзинханя (Динсянь шэхуй гайкуан дяоча 定縣社會概況調查, Пекин 北平: 中華平民教育促進會, 1933). Состоящее из 17 разделов, позже оно стало считаться «энциклопедией» сельской жизни Китая. Ученый из Яньцинъюнского университета Чжао Чэнсинь 趙承信 назвал работу Ли Цзинханя «социологическим обследованием, способным вызвать общественное движение», тем самым подчеркнув его практическую значимость и идеологический заряд.

Методика, использованная Ли Цзинханем при написании обследования уезда Динсянь, заметно усовершенствовалась и получила высокую оценку коллег. У Цзинчжао 吳

景超 считал, что его метод сбора данных хорошо подошел бы для написания уездных хроник современного типа (Чжунго сяньчжи дэ гайцао 中國縣志的改造 // Дули пилунь 獨立評論, № 60, 1933.07.23). Ли Цзинхань осуществил переход от сбора только статистических данных к их анализу, встал на путь создания обследования в ключе этнографической социологии (*миньцзу чжи дэ шэхуй сюэ* 民族志式的社会学). Этот метод можно считать результатом адаптации и китаизации пришедших с Запада методов.

Ли Цзинхань выступал против исследований, лишенных практических задач. Многие ученые того периода были реформаторами по духу, часто выступали с открытой критикой властей и считали, что надо спасти гибнущую нацию. Мы можем взглянуть на деревенское общество периода Республики только их глазами. Надо признать, что исследователи того периода стремились к объективности, работали тщательно и фиксировали все до мелочей. Заслуга Ли Цзинханя состоит в умелой адаптации западных методов, а также в соединении полученных фактов и теории.

Данные из уезда Динсянь обрабатывались не только Ли Цзинханем. Упомянутый выше американский социолог С. Гэмбл (S. Gamble) много лет работал в Китае как социолог. Будучи представителем богатой семьи заводчиков Гэмблов, он предоставил экспериментальному уезду Динсянь значительную денежную помощь, за счет этих средств финансировалась исследовательская группа. Как единственный иностранный специалист в этой группе С. Гэмбл принимал непосредственное участие в исследовании и позднее выпустил монографию о деревнях уезда Динсянь, в которой активно использовал данные Ли Цзинханя [25].

Заключение

Нами были представлены источники данных по народной религии в сельских районах Китая республиканского периода, это главным образом результаты многочисленных социологических исследований *дяоча*. Была предпринята попытка систематизации исследований, которые проводили иностранные и китайские социологи и экономисты в разных районах Китая, а также выведены особенности методологии. Было продемонстрировано, каким образом происходила адаптация западных шаблонов и методов применительно к работе с сельским обществом Китая. Автор придерживается мнения о том, что данные материалы нужно воспринимать как ценный документ эпохи, при этом уметь грамотно «прочитать» и интерпретировать содержащуюся в них информацию. Отдельную статью планируется посвятить освещению конкретных сведений, содержащихся в этих исследованиях.

Литература

1. Карнеев А. Н., Козырев В. А., Писарев А. А. Власть и деревня в республиканском Китае (1911–1945). М., 2005.
2. Карнеев А. Н. Крестьяне и местная власть в гоминьдановском Китае (1927–1937): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
3. Волчкова Е. В. Традиционалистские союзы в Китае, 1890–1940-е годы. М., 2003.
4. Тертицкий К. М. Китайские синкретические религии в XX веке. М., 2000.
5. Горбунова С. А. Китай: религия и власть. М., 2008
6. Малявин В. В. Китайцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М.: Наука, 1985. С. 11–78.

7. Крюков М. В., Малявин В. В., Сафронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Этническая история китайцев в XIX — начале XX века. М.: Наука, 1993. Глава 6 «Традиционная обрядность».
8. *Duara P.* Culture, Power and the State: Rural North China, 1900–1942. Stanford: Stanford University Press, 1988.
10. *Nedostup R.* Religion, Superstition and Governing Society in Nationalist China. Ph.D. Dis., 2001.
11. *Nedostup R.* Ritual Competition and the Modernizing Nation-State // Mayfair Mei-hui Yang (ed.). Chinese Religiosities: Afflictions of Modernity and State Formation. University of California Press, 2008.
12. *Nedostup R.* Superstitious Regimes: Religion and the Politics of Chinese Modernity. Harvard University Asia Center, 2010.
13. *Poon Shuk-wah.* Negotiating Religion in Modern China: State and Common People in Guangzhou, 1900–1937. Hong Kong, 2009.
14. *Goossaert V.* The Beginning of the End of Chinese Religion // *Journal of Asian Studies.* 2006. Vol. 65. N 2. P. 307–335.
15. *Goossaert V.* The Taoists of Peking. A Social History of Urban Clerics, 1800–1949. Cambridge (Mass.): Harvard University Asia Center, 2007.
16. *Завидовская Е.* Храмовые объединения и религиозная жизнь крестьян современного Китая. СПб., 2009.
17. Чжэн Ань-лунь 郑安伦. Цзиньмэнь сибянь цунь шэцуй яньцзю дэ чанши 金门溪边村社区研究的尝试 (Попытка регионального исследования деревни Сибянь уезда Цзинь мэнь) // Иши бао 益世报 12.05.1937.
18. *Buck J. L.* Chinese Farm Economy. University of Chicago Press, 1930.
19. *Бак Дж. Л.* Экономика сельского хозяйства в Китае. Харбин, 1935. Т. 1–2.
20. *Huang Ph. C. C.* The Peasant Economy and Social Change in North China. Stanford: Stanford University Press, 1985.
21. Миньго шици шэхуй дяоча цунбянь 民国时期社会调查丛编 (Собрание социологических исследований республиканского периода). Сянцунь шэхуй цзюань 乡村社会卷 (Том «Сельское общество»). Фучжоу, 2004–2009.
22. Чжан Чэнсинь 赵承信. Шэхуй дяоча юй шэцзю яньцзю 社会调查与社区研究 (Социологические исследования и изучение общины) // Шэцзюй юй гуннэн: Пайкэ, Булан шэхуйсюэ вэнь цзи цзи сюэцзи 社区与功能: 派克、布朗社会学文集及学记 (Община и функция: сборник статей и ученых заметок по социологии Парка, Брауна). Пекин, 2002.
23. Фэй Сяотун 费孝通, Чжан Ичжи 张之毅. Юньнань саньцунь 云南三村 (Три юньнаньских деревни). Пекин, 2006.
24. *Charlis H. W.* To the People. James Yen and Village China. N.Y.: Columbia University Press, 1990.
25. *Sidney D. G.* Ting Hsien: a North China Rural Community. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1968.

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2010 г.